

Денис Михайлович Трудников (1979)

Родился в городе Мончегорске Мурманской области. С 1999 года живет в Димитровграде.

Закончил РГПУ им. А.И. Герцена, филолог. Редактор и один из основателей первой городской литературной газеты «Глагол», член Клуба Молодых Литераторов, лауреат Турнира молодых писателей ПФО - Проект «Берега», Ульяновск (2007), участник VII Форума молодых писателей России, Москва (2007)

Публиковался в газетах и журналах «Димитровград-Панорама», «Черемшан», «Димитровград», «Соцгород-2000», «Мономах»

Автор книг «Горячая линия» (2000) и «Центр тяжести» (2008)

Альбом Денис Трудников & Pure Trip. Центр тяжести (2014)

Член Союза писателей России (2012)

вроде нет у нас проблем хьюстон
но не тянутся слова к свету
у поэта в мастерской пусто
и поэта в мастерской нету
и закрыты за собой двери
и помыты за собой чашки
а снаружи над водой чайки
а снаружи глубина тверди
и конечно глубина вдоха
и намазана весна густо
у поэта в голове грустно
у поэта с головой плохо
где-то лязгает струна барда
где-то давятся за фунт лиха
только в этой мастерской тихо
так что можно мы придем завтра

я ходил по гостям в белых кухнях пил кофе смеялся
и в гостиных ломался под звуки совсем не вальса
ты куда я оглядывался и оставался
заходил на часок оставался еще на часик
слушал про миннезингеров и франчайзинг
просто так из досужего интереса
вот к примеру кто в этой жизни женщина
проводница или же стюардесса
и так далее не замечая леса
я ходил по гостям пил там кофе косился чуть-чуть в телевизор
телефон повторял что пропущен вызов
где-то где-то под нами кружил хоровод
материально-телесного низа
но ни дна ни покрывки ни света в конце тоннеля

для чего нам такие фигуры танца
но теперь я не знаю зачем и куда идти и на самом деле
пока я не вижу возможности возвращаться

в моей пустоте уже не хватает места
для всех этих странных песен снега ванили какао
хочешь чего-то понять но не заметишь жеста
что приглашает встать или пойти направо
в моей пустоте как-то заметно тесно
в старых шкафах в утренней голове и карманах
что будет дальше естественно неизвестно
будто бы это рассказ о далеких странах
в моей пустоте кажется и не пусто
самую малость шелка самую малость меха
но не досмотришь всех серий не дочитаешь пруста
и чем глубже поет пустота тем прозрачнее эхо
чем глубже в сосновый бор тем тупее лирический образ
эта жизнь висит подобием гобелена
можно заметить шлагбаум можно нажать на тормоз
только свет растекается во все стороны все белее становится и белее

* * *

иногда мне кажется, что тебе кажется,
что тебя это не касается,
не задевает своим крылом,
это - нечто данное нам в ощущениях
теперь, когда так необходима тактильность,
лестничное остроумие posteriori
с той стороны окна,
где вес, объем, рост и размер имеют значение
и заглавная буква не меняет формы предмета,
а лишь содержание человеческой книги
с той стороны окна,
где вокруг столько воды,
и все что нужно - так это выйти,
набрать ее не совсем вовнутрь,
и тогда можешь спрашивать.
понимаешь,
вода не к переменам,
вода - к молчанию...

Женское Имя

Смотрю. Берегу от пожара. Прячу.

Вопросы – вопросом, а кофе – зернами.
Твоя погода, завернутая в горячее,
В руках разворачивается озерами.
И смех в тепле параллельных линий
Загадки множит до миллиона,
Когда у рассвета женское имя
И мир зеленый, зеленый, зеленый.
И очень простой, как жи-ши, как ча-ща,
Как ежедневник, брошенный между кресел...
Меняешь слова у русалочьих песен.
Ты делаешь это блестяще.
Праздник, застегнутый на все пуговицы,
И миг, на который хочется облакочиваться...
Все начинается только на этой улице.
И уже никогда не заканчивается

Буду Ждать

А вчера мне пришло письмо
От нашего почтальона.
Это, наверное, розыгрыш. Издевательство.
В конверте открытом, без марок
Лепилось податливое содержание.
Почерк широкий, прозрачный рассказывал:
«Знаю, знаю, как свет уходя выключают.
Как мы остаемся со светом в окнах напротив.
Молча снимаем с себя ниточки улиц,
Которых не перейти, как Рубикон переходят.
Тень мюзик-холла, где чувство ритма тактильно,
А неприличное чувство локтя сводит с ума.
И пустые почтовые ящики -
Лишь бесконечность в глазах
После последнего стресса.
А утром цвета запекшейся крови
Вязко, лениво вновь изучаем
Дождь адресов
Еще неразорванных связей,
Целых кофейных сервизов, четкого пульса...
Видимо, это и есть то движение,
Что называют жизнью
Или хотя бы существованием...
В общем, если тебе есть что ответить,
Пожалуйста, напиши! Буду ждать».
Кстати, кому интересно,
Это письмо сейчас так и лежит в подъезде
На батарее

Плоскости

за окном виден лес у которого нет перспективы
плоскость врезается в плоскость не образуя пространства
когда я говорю тебе как можно быть счастливым
русский язык выдает во мне иностранца
когда я говорю что часы на столе отстают на годы
послезавтра врывается в двери стыдным и страшным прошлым
я остаюсь на месте думая о хорошем
пожирая глазами замки и стены своей свободы
из одной пустоты просто перебираться в другую
просто начать разговоры о вечном словами я к вам пишу
к старту тянется та же дорога что и к финишу
но шаг навстречу более не интригует
ведь косяк как известно всегда интереснее камень
и с каждым днем эти истории все печальней
девочка пишет мальчику мальчик не отвечает
зритель разводит руками слегка пожимает плечами
и тут же находит выход согласно текущей рекламе
я говорю тебе в смысле жизнь отсутствует напрочь хочешь не встретишь
просто некий досуг просто кроссворд в газете
можно кричать спасите или вполголоса empty
можно смотреть в окно и ждать пока ты ответишь

Жечь и отражаться

Так приходи сюда, и будем отражаться.
Как в сантиметре метр, как в тысяче нули.
Как лебеди в слонах фантазии Дали,
Как страх в ключах, вертящихся на пальце.

А хочешь, будем жечь календари
И наизусть учить узор на шторах.
Появится сосед, попросит штопор...
И я не вспомню, что я говорил.

Устал не трогать жизнь: ничем, никем.
Сижу, молчу, но жду, чтоб отвечали.
Моя любовь, отравленная чаем,
Мечтает о хорошем коньяке.

По ящику – «морковь», удары по мячу.
Здесь - праздник на носу, унылый сахар жженный.
И солнце, как изгиб гитары желтой,
Далекое и пошное чуть-чуть.

Так есть. А будет мига жаль,
Завертится аккорд хромого танца...
Не хочешь жечь, не хочешь отражаться –

Так просто приезжай

Обычный и возможный

однажды я появился в этом дверном проеме
обычный и совершенно возможный
весь в белых пятнах пыльного прошлого
и настоящего ненастоящего
я объяснил тебе что слушал песни
а потом когда побежал из дома
в голове почему-то осталось слово дацан
наверное это гребенщиков или коэн
и ты говорила что все стихи коэна
состоят из женщин занятых мужчин и проявлений
любви по полной на всю катушку
там эрос агапэ и прочие радости
осени и одиночества
а у меня только множество общих мест
где-то на сквозняке и сверху немного воды
чтобы дополнить спокойствие божьих коровок
на подоконнике ждущих первого снега
и намагниченных бурь чтобы не сбиться
и не пройти мимо
найти плоский пейзаж
книгу черных квадратов
и холодные выходные
всегда просматриваемые на перемотке
так мы узнали что все еще кружимся
в самом начале истории

Ежедневник

знаешь в пакете с оторванной ручкой я обнаружил
пропавший ежедневник на 1998 год
там вместе с ним и билеты в Русский музей
(да-да желтый квадрат Малевича) и гитарные струны
и несколько неудачных фотографий неба цвета халвы
они тоже были посчитаны на страницах
прикреплены к серьезным цифрам
вперед вперед на много дней вперед
можно было определить свое местонахождение
количество и характер шумно пролистанных книг
и несовершенных подвигов
увидел как время умещается на плоскости
лучше бы уж я писал на теплой пластмассе часов

пропавший пестрый ежедневник на 1998 год
знаешь оказывается я прекрасно прожил без него

по-другому...

Центр тяжести

все также брожу между названиями и вещами
в поисках равновесия сны перематываю назад
люди добрые извините что к вам обращаюсь
но у вас такие отзывчивые глаза
будто бы вам известно о чем поете
и что за жанр какой покажете стиль
это просто смещение центра тяжести
а значит вы упадете
впрочем и я вон надпись над нами идите все на
и мы бредем не здороваясь уворачиваясь от холода
кто из гостей на другом конце города
кто из полутораспальной вселенной
и это уже не сомнешь и не выбросишь в урну
и рядом в метро не одри тоту и не ума турман
какие-то буквы попавшие не в то горло
какие-то взгляды изменившиеся под утро
и все равно кладете вы или ложите
радость с больной головы да на здоровые плечи
люди добрые помогите чем можете
главное центр смещен значит нам станет легче

Не светит

мне не светит не светит
утро раскрытое наугад
час вперед как назад
сети
гадание по полету птиц
мутность лиц
энергетический вампиризм
и градус ползущий вниз
кто-то как линия делит меня пополам
есть что делить
вижу падают со стола
незажигаемые слова
в моей жизни прошу никого не винить
нить проходит сквозь лабиринт
полумрак и глушь у меня внутри
ядовитая ягода
не бери
жить
не хватает того что наперечет
низких частот
снов настроенных на полет

чего-то еще
с запахом типографской краски
осени незатасканной
и весны звучащей всегда по-разному
но что ты скажешь на этот счет

Самое нужное

А если я вру, не сойти мне с этого места.
Да и куда тут идти, паузы кнопку нажав.
Я говорю и тебя создаю посредством
Творительного падежа.
Так и весна зависнет, словно откажет сердце.
И не покатится больше мелочью мимо касс.
Лифт не приедет. Город предаст.
Точно знаю: от этого не отвертеться.
Видишь, улыбок не счесть. И к мигреням вполне привыкли.
Чем-то бряцать или даже бр'яцать
Пой, развлекайся, но ровно в двенадцать
Ничего не останется, кроме тыквы.
Ну да, как будто еще что-то было!
И глобус – тыква. И тыква - попса в мотиве.
Смеешься способами любыми,
Но смеха не видно на негативе. Ой, будет нечто! Конечно, мечтать не вредно!
Люблю тебя, определенность! Впрочем, ты тоже муть.
Яркое, светлое, белое, бледное...
Самое нужное подчеркнуть

Шрамы

Краткое содержание предыдущих серий.
Ждали праздника от понедельников и воскресений.
Танцы. Земфира в вине.
Одни говорили: «Шрам – все, что от смерти осталось!»
Тут же другие кричали: «Радость
Приносит только домашнее консервирование!»

И эти часы всегда нуждались в заводе,
Мы уходили в схемы, в крючки, в пародии,
В серые лица с утра.
Осень дарила пощечины флагам похмельным
И (как бы случайно) подбрасывала в колыбели
Ужасы, страх.

Но... Можно бояться в хорошем смысле этого слова,
В котором теплое небо – первооснова.
И глупо все остальное.
А мы по-прежнему ходим, вертим внутри пластинки,

Дорога садится после дождя, как после стирки
Что-нибудь шерстяное.

Грани стакана горят: осторожнее, не разбей!
Растут запросы, как сыновья у друзей,
И режет резкость движений.
Мы замираем при крике: «Держите вора!»
И мимо нас по знакам и светофорам
Двигается продолжение...

Стой где стоишь

стой где стоишь стой
закройся стеклом и газетным листом
в виде пунктира мост
и мы связаны этим мостом
стой стой где стоишь
сколько есть подворотен ящиков ниш
а где-то улыбка и фига в кармане
другими словами шиш
можно легко умереть и увидеть париж
хочется пить рискуй
поэтому я уважаю питер и ненавижу москву
видишь что-то блестит приставленное к виску
далее тишь
есть имена типа эй и типа малыш
одних шлют в баню
другим сочиняют четверостиш
отныне всё сказанное тобою
работает на престиж
ходить кругами значит что набум
у винтиков этой системы срывает резьбу
и целые стаи крыш
круги никогда не поранят тебя углами
так что ж ты стоишь?